

ТВОРЧЕСТВО КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

А.Г. ВЯТКИНА

*Воронежский
государственный
университет*

e-mail: alla.vyatkina@mail.ru

Творчество есть полагание принципиально нового, того что не задано предшествующим содержанием. Истоки этой незаданности кроются в непредметном измерении человеческого духа, в противоположность уровню предметного (чтойного). Это непредметное измерение в статье раскрывается как область неоформленных возможностей, где и берет свое начало новая предметная форма. Связь предметной и непредметной сторон творчества осуществляется через воображение.

Ключевые слова: творчество, предметное, непредметное, воображение, образ, переживание, интуиция.

Проблема творчества относится к числу так называемых «вечных», или классических, тем философии. Такие темы никогда не теряют своей остроты и жизненности, будучи неисчерпаемыми в развитии своей проблематики. Не случайно многие мыслители называют творчество не просто вопросом, ожидающим своего решения в более или менее отдаленном будущем, но тайной, разгадка которой всегда будет ускользать от человека. «Ведь что такое тайна? Это... что-то, о чем известно, но мы не можем добраться до того места, откуда известно»¹. Поэтому самое большее, на что может рассчитывать исследование, имеющее своей целью теоретическое рассмотрение творчества, это совершение лишь еще одного шага на уходящем в бесконечность пути постижения.

Что же представляет собой этот процесс, природа которого столь «таинственна» для нашей мысли? Не пытаюсь создавать сложных теоретических конструкций, остановимся на кантовском определении искомого феномена: творчество есть полагание, дающее «новое правило, какого нельзя вывести ни из одного предшествующего принципа или примера»². Существует и множество других, более сложных, определений, сопровождающих рассматриваемый феномен пространными разъяснениями и большим количеством дополнительных эпитетов – уникальность, неповторимость, оригинальность. Однако кантовское определение представляется наиболее удачным, ибо в строгой и лаконичной формулировке фиксирует самый смысл интересующего нас феномена – полагание принципиально нового, того нового, что логически не вытекает «ни из одного предшествующего принципа или примера». Иными словами, творчество есть прерывание развертывания некой заданной логики и одновременно полагание основ для новой. Сама же наличная логика, развертывающаяся на основе рационального мышления, не может вступить в противоречие сама с собой или прервать самое себя, она реализуется в непрерывной причинно-следственной цепи выводов, между звеньями которой нет и не может быть никаких разрывов. Эта жестко детерминированная причинная связь абсолютно непроницаема для возможности включения в свою определенность принципиально новых содержательных моментов. Между тем, именно в этих разрывах, где последующее не вытекает из предшествующего, и вспыхивают полагающие принципиальную новизну акты творчества. Обнаружение возможности и существа этого разрыва, являющегося творческим переходом из одной предметной определенности в другую, и составляет задачу философского исследования проблематики творчества.

Вследствие того, что всякая внутри себя логически последовательная мысль в принципе не может выстроить мост между двумя несоизмеримыми определенностями, ответ на вопрос, как перейти из одной предметной определенности в другую, звучит сле-

¹ Мамардашвили М.К. Введение в философию / Мераб Мамардашвили // Философские чтения. – СПб: Азбука-классика, 2002. – С. 110.

² Кант И. Критика способности суждения / Иммануил Кант. – СПб.: Наука, 2006. – С. 246.

дующим образом: посредством скачка из одной определенности в другую. Действительно, творчество – это совершаемый в акте чистой интуиции скачок в новое видение, не укладывающийся в известную диалектическую формулу снятия. Вместе с тем одна только констатация того, что в творчестве совершается скачок из одной определенности в другую, не есть действительное решение искомой проблемы. В данном случае мы делаем лишь первый шаг, да и то скорее словесный, чем понятийный.

Творчество как полагание принципиально нового не может иметь истоком своего возникновения некое предзаданное содержание. Ибо если нечто возникло как результат развития предшествующего, значит оно уже содержалось в нем до акта созидания, присутствовало скрытно, в неявленном виде. В этом случае корректно ставить вопрос о выведении, развертывании, обнаружении, но никак не о творении, поскольку бессмысленно говорить о творчестве уже имеющегося. В творчестве должно возникнуть то, чего еще нет, и что ни в какой определенной форме не содержится в предшествующей предметности.

Истоки полагания подлинно нового располагаются в сфере непредметного, той сфере, которая на языке неклассической онтологии XX века именуется ничто, в противоположность области сущего (чтойности). Это ничто не тождественно небытию, оно не есть абсолютное ничто («темная бездна») мистиков. Рассматриваемое нами ничто выступает как область неоформленных возможностей, которые присутствуют в бытии сущего, но не выводятся из его предметно оформленного содержания. Читаем у Хайдеггера: «Что такое Ничто? Уже первый подступ к этому вопросу обнаруживает что-то непривычное. Задавая такой вопрос, мы заранее представляем Ничто как нечто, которое тем или иным образом «есть» – словно некое сущее. Но ведь как раз от сущего Ничто абсолютно отлично»³, «ничто есть полное отрицание всей совокупности сущего»⁴. В этом контексте у Хайдеггера можно встретить определение ничто как пустоты, в смысле простора, свободного от ограничивающих рамок какой бы то ни было предметной наполненности. Но в то же время заголовок одного из параграфов работы «Европейский нигилизм» звучит следующим образом: «Бытие как пустота и богатство». Именно потому, что рассматриваемое измерение бытия в своей природе является непредметным, и в этом смысле «пустым», оно и может быть истоком богатства различных форм определенности: «Бытие и должно держаться совершенно неопределенным в своем значении, чтобы принимать определенность от того или иного разнообразного сущего»⁵. В сфере непредметных данностей еще нет определенности, а есть неоформленное движение и беспокойство, откуда нечто принципиально новое только и может возникнуть.

Собственно само творчество и предстает как движение от непредметного к предметному, как переход от ничто к нечто. Причем первичность ничто по отношению к нечто имеет принципиальное значение для проблематики творчества. Именно потому, что рождение подлинно нового истоком своего происхождения имеет сферу ничто, положенная творческим актом предметность не есть продолжение определенности имеющегося причинно-следственного ряда. Она появляется не как результат последовательного развертывания, но, напротив, как прерывание наличной цепочки причинных отношений и утверждение на ее месте новой. Как утверждает Сартр: «То, что отделяет предшествующее от последующего, и является как раз *ничем*. И это ничего абсолютно непроходимо именно потому, что оно является ничем; ибо во всяком препятствии, которое нужно преодолеть, есть нечто положительное, которое дается, перед тем как быть преодоленным»⁶. Поэтому напрасно искать между «старой» и принципиально новой предметными определенностями те ступени, мосты, которые выступали бы в роли промежуточных связующих звеньев. Пропасть ничто, отделяющая предшествующее от последующего, «старое»

³ Хайдеггер М. Что такое метафизика? / Мартин Хайдеггер // Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 18.

⁴ Там же. С. 19.

⁵ Хайдеггер М. Европейский нигилизм / Мартин Хайдеггер // Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 173.

⁶ Сартр Ж. П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Жан Поль Сартр. – М.: Республика, 2000. – С. 65.

от «нового», не содержит в себе твердых фиксированных точек опоры. Но именно в ней располагаются истоки возникновения нового.

Для обоснования творческого процесса необходимо отыскать такую сферу, которая образовывала бы пространство соизмеримости между предметным и непредметным, определенным и неопределенным. Именно в пространстве соизмеримости предметного и непредметного, возникающего в диалектическом взаимодействии данных противоположностей, собственно и протекает творческий процесс. Здесь совершается зарождение сущего, его кристаллизация, образующая переход в принципиально новое видение.

При этом, как представляется, данное содержание не сводится к одномоментному акту интуитивного прозрения. Ибо акт чистой интуиции выражает результативную составляющую творчества. Интуитивное озарение, *insight* – это уже свершившийся скачок в новое видение, уже достигнутый результат творчества. Здесь мысль снова обнаруживает себя замкнутой в пределах некой уже ставшей предметности – еще не развернут ни один момент содержания, не сделан ни один вывод, однако сущее уже положено и определено в своих основах. Таким образом, акт интуитивного прозрения не может образовать необходимое нам пространство соизмеримости предметного и непредметного, в котором протекает процесс зарождения новой сущности. Сведение творчества к одному-единственному полагающему акту интуиции изымает из рассмотрения саму процессуальную наполненность феномена, его содержание, предполагающее длительность вместо мгновенности. В результате чего «механизм» перехода к будущей предметности остается совершенно закрытым для понимания.

Таким образом, чтобы разгадать тайну творчества, вернее, приблизиться к ее разгадке, необходимо раскрыть точку интуиции, «распаковать» (термин В.И. Аршинова и В.Г. Буданова⁷) ее. Иными словами, рассмотреть творчество не как мгновенный акт, посредством которого совершается переход из непредметного в предметность, не как скачок, парадоксальный и соответственно недоступный для понимания и объяснения, но как процесс. Лишь обнаружение процессуальной природы самого перехода позволит преодолеть парадоксальность в осмыслении творчества.

Пространство соизмеримости предметного и непредметного и есть «распакованная» точка полагающего интуитивного акта. И это пространство, в котором сбывается сама жизнь творческого процесса, где ничто, спонтанно осуществляя свои возможности, переходит к нечему, обнаруживает себя как *воображение*. Данная способность, преодолевающая границы отражения, схватывает и удерживает край непредметного, благодаря чему открывается непредзаданный горизонт множества возможностей, в котором мышление находит истоки для своих новых определений. Предметная составляющая воображения в конечном итоге реализуется в понятии, соответственно непредметная сторона рассматриваемой способности воплощается в тех формах субъективности, основой которых является чувственность. Таким образом, конструируемое воображением пространство соизмеримости предметного и непредметного, представляет собой соизмеримость рационального и чувственного.

Необходимо отметить, что вопрос о природе чувственности многие мыслители справедливо относят к числу тех проблем, которым еще только надлежит получить свое философское осмысление. Подобная точка зрения обнаруживается, в частности, в рассуждениях М. Шелера, указывающего на неудовлетворительность понимания чувственности в системах английских сенсуалистов, а также в теории Канта, которые полностью сво-дят ее природу к одному разрозненному материалу ощущений, элиминируя тем самым ее сложный многоуровневый характер. Но чувственность, полагает Шелер, обладает также и эмоциональной наполненностью, выступающей по отношению к ощущениям как более высокий уровень, более сложная форма. Сходные представления можно найти также в рассуждениях Ж.-П. Сартра, выделившего в качестве первичного и непосредственно значимого содержания чувственности ее аффективную составляющую, связанную с эмоциональными переживаниями⁸.

⁷ Аршинов В.И., Буданов В.Г. Синергетика: эволюционный аспект / В.И. Аршинов, В.Г. Буданов // Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления. – М.: Арго, 1994. – С. 233.

⁸ Сартр Ж.-П. Воображаемое. Феноменологическая психология восприятия / Жан-Поль Сартр. – СПб.: Наука, 2001. – С. 142-149.

Представляется, что существенная роль чувственности, взятой во всей ее действительной сложности, в деле творчества еще не была должным образом осознана философской мыслью. Поскольку предметная определенность, замкнутая в круге своей заданной логики, не может служить источником творчества, но лишь началом разворачивания, мы и полагаем, что в самой чувственности следует искать истоки творчества, а именно: в сфере человеческой эмоциональности, содержанием которой являются переживания. Важно отметить, что в данном случае переживание – это не психическое состояние человека. Это сам мир, взятый в полноте своих возможностей и нетематически раскрывающийся в сфере нашей эмоциональности. Такое переживание само по себе непредметно, здесь еще нет ни одного выделенного определения. Но в то же время оно не является чистым ничто. Это начало творческого полагания новой предметности, полагания, совершаемого воображением.

Дальнейшее движение творческой деятельности связано с обретением непредметным переживанием своей плоти, с воплощением его в образе. Способность воображения полагает в пространстве образа соизмеримость предметного и непредметного, которая становится тем источником, из которого художественное и научное мышление черпают бесконечные возможности для своих определений. Образ – это предметность в самой себе незавершенная, стремящаяся выкристаллизовать чистый смысл на материале чувственного переживания. Здесь творческая мысль еще только пытается высвободиться от непосредственной сраженности с чувственным. Не непосредственно из самой чувственности появляется смысл, но и без нее как своей жизненной наполненности этот смысл не смог бы никогда возникнуть. Само же открытие новой идеи осуществляется в форме интеллектуальной интуиции, которая является конечным пунктом процесса воображения как содержания творческого перехода в подлинно новое.

Бесспорно, сколь бы полно ни осуществлялся анализ воображения или любого другого феномена, так или иначе причастного к творчеству, манящая тайна творчества всегда останется с человеком. Быть творцом – не значит разгадать эту тайну (сделанное открытие, прекрасная строка стихотворения и т.д. более всего, как известно, изумляет своего творца). Быть исследователем творчества – значит снять «табу» с рационального размышления о нем, ввести мысль в пространство перехода, конституированного воображением, иррациональная действительность которого возносит человека над миром и возвращает его в мир уже готовым к прозрению принципиальной новизны. Именно в воображении обнаруживается внутреннее содержание творческого акта как процесса, имеющего длительность вместо одномоментности интуитивного озарения.

Список литературы

1. Мамардашвили М.К. Введение в философию // Философские чтения. – СПб: Азбука-классика, 2002. – С. 7-172.
2. Кант И. Критика способности суждения. – СПб.: Наука, 2006. – 512 с.
3. Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Время и бытие. Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 16-27.
4. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Время и бытие. Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 63-176.
5. Сартр Ж. П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. – М.: Республика, 2000. – 639 с.
6. Арпинов В.И., Буданов В.Г. Синергетика: эволюционный аспект // Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления. – М.: Аргус, 1994. – С. 229-242.
7. Сартр Ж.-П. Воображаемое. Феноменологическая психология восприятия. – СПб.: Наука, 2001. – 319 с.

CREATIVITY AS A PHILOSOPHICAL PROBLEM

A.G. VYATKINA

*Voronezh
State University*

*e-mail:
alla.vyatkina@mail.ru*

Creativity is the occurrence of something essentially new which isn't determined by the previous content. Sources of any not predetermined content are covered in the sphere of not definite, not thematic content of human spirit, contrary to the sphere of a definite, a thematic content («what»). This article presents such sphere of not thematic content as the area of no determined possibilities where the new object form originates. Communication of the definite and not definite parties of creativity is realized through imagination.

Key words: creativity; definite, thematic content; not definite, not thematic content; imagination; image; experience; intuition.